

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.26

*М.П. Чёрная***ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЛИК СРЕДНЕВЕКОВОГО ТОМСКА:
ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ К ОБЪЕКТИВНОМУ ОТРАЖЕНИЮ**

В статье рассматриваются два аспекта проблемы изучения исторического облика средневекового Томска: вероятное место основания города в 1604 г. и воссоздание ценной историко-архитектурной среды XVII в. Дан критический анализ нововдела укреплений кремля.

Исторический облик города является формой, способом существования и выражением того содержательного потенциала, каким он обладал. Сложность и многозначность внутренней жизни города отражается в бесконечном разнообразии внешних проявлений. Взаимодействие содержания и формы динамично во времени и пространстве: трансформация функций и задач, выполняемых городом, ведёт к изменению в его облике.

Как фактору становления цивилизации и формирования новой социальности [1. С. 9] городу принадлежала ключевая роль в преобразении подвластных ему территорий. Миссия русского города в Сибири заключалась в том, чтобы служить опорой в колонизации края, превращения его в органическую и неотъемлемую часть России. Решение столь грандиозной задачи невозможно путём завоевания, хотя и не исключает военных конфликтов. Основываясь на богатейшем колониационном опыте, предстояло интегрировать окраины в экономическую, культурную жизнь и политическую систему Российского государства. XVII в. стал решающим в этом процессе: на его исходе Сибирь не просто обретает новый облик, вхождение в состав России привносит в жизнь и в перспективы развития края качественно новое содержание.

Стремясь к присоединению этого обширного региона, московское правительство расширяет и уплотняет сеть городов, основывая опорные пункты не только в благоприятных по климату южных районах, но и там, где ощущалось неласковое, холодное дыхание Ледовитого океана (Мангазья, Зашиверск, Якутск и др.). Хотя вклад городов в дело освоения сибирских земель был разным: одни выступали флагманами, роль других была скромнее, каждый из них служил проводником государственной политики. Таким образом микроистория города была взаимосвязана с макропроцессом колонизации, огосударствления Сибири [2. С. 121–126].

Томску изначально отводилась роль ведущего центра в освоении сибирских земель на юго-восточном направлении. Согласно царскому указу, он основывается сразу как город, тем самым ему присваивается наиболее высокий ранг в иерархии поселений. Выполняя отведённую ему роль, Томск XVII в. жил насыщенной трудовой и политической жизнью. Функции города находили отражение в облике Томска и в преобразённой человеческой деятельностью природной среде. Первоначально город имел двухчастную композиционную структуру, подразделяясь на кремль – административно-политический, общественно-идеологический, военно-оборонительный центр – и верхний посад-острог –

основную селитебную территорию. Успешное развитие Томска сопровождалось строительством административных, жилых, производственных, торговых, хозяйственных зданий, прокладкой внутригородских коммуникаций и межгородских транспортных путей. С ростом города усложнилась его структура: расширился верхний и появился нижний посады, которые объединил поставленный в центре городской застройки новый кремль. Именно кремль, размещённый на высоком яру, одетый в броню стен и башен, являлся градообразующей доминантой.

Назначение укреплений в городе не сводилось к сугубо военному. Кремль был не только главной внутренней крепостью, но ядром управления городом и округой, олицетворяя государственную власть, которая может и должна себя защищать. Следует учитывать и мироощущение человека того времени: город воспринимался как обжитое, осенённое Божьей благодатью место, находившееся за его пределами пространство таило потенциальную угрозу. Наличие стен как защитного рубежа между «своим» и «чужим» являлось необходимым условием психологического комфорта. Границей, отделяющей и одновременно связующей мир замкнутого в кольце стен города и окружающей его «большую землю», служили ворота. Противопоставление «своего» внутреннего пространства «чужому» внешнему не было абсолютным, поскольку город втягивал округу в зону своего влияния [3. С. 117]. С укрупнением и усилением города неизбежно происходили активизация и укрепление связей между центром и периферией.

На протяжении всей 400-летней истории Томск оставался городом. Статус его то повышался, то понижался, но никогда, в том числе и в XVII в., его значение не ограничивалось военной крепостью. В Томске в XVII в. активно развивались промышленное предпринимательство, ремесло, торговля, расширялась запашка, служилые люди, составлявшие значительное число горожан, были экономически наиболее активной частью населения Томска [4. С. 129–144; 5. С. 65–76; 6. С. 112–132; 7. С. 133]. В ходе раскопок были обнаружены свидетельства косторезного и сапожного производств даже на территории кремля.

К сожалению, ещё встречаются устаревшие стереотипы в оценке сибирского города как экономически отсталого, выполнявшего в XVII в. исключительно или почти исключительно административно-военные функции, при этом не учитываются ни конкретно-историческая ситуация, в которой основывались города Сибири, ни отличия в уровне их развития. Так охарактери-

зован Томск XVII в. в изданной к юбилею краткой энциклопедии города, где он назван военной крепостью, откуда уходили отряды казаков на захват и присоединение к Русскому государству новых земель, упомянуты основание томичами новых городов и острогов, дипломатические миссии; занятие же хозяйством – хлебопашеством, ремеслами, по мнению авторов, долгое время оставалось уделом крестьян, часто ссыльных, и посадского населения; обустройство жизни в городе практически отсутствовало [8. С. 355]. Подобные взгляды на Томск первого века его существования сформировались в начале XX в., когда в научный оборот не был введён широкий круг источников, слабым оставалось исследование социально-экономической природы города. Уровень развития Томска в XVII в. и его роль крупного центра в эпоху освоения сибирского края оказались несправедливо принижены. Озабоченность вызывает то, что к популярному изданию будет обращаться широкий круг читателей, по большей части неискушённых, а также учителя, через которых обеднённая содержательная характеристика Томска XVII в. будет передаваться подрастающему поколению томичей.

В ограниченной по объёму статье даже кратко невозможно осветить всё разнообразие внешних граней города, поэтому рассмотрим всего два, зато новых в историографии, аспекта: о возможном месте основания Томска и попытке воссоздания его облика в новоделе.

Обязательным компонентом исторического облика города является пространственная характеристика, которая для Томска первой половины XVII в. вылилась в новую неожиданную проблему большой исторической значимости, открывающей широкое поле деятельности для исследователей: после опровержения мифа об ос-

новании города на южном мысе Воскресенской горы встал вопрос о его первоначальном местоположении [9. С. 120–126; 10. С. 81–91].

В условиях явного дефицита источников с точными координатами места основания Томска был проведён комплексный анализ исторических и ландшафтных предпосылок размещения города, который позволил выявить одну из вероятных площадок строительства Томска в 1604 г. – северо-западный мыс Воскресенской горы [11. С. 147–150], где находится одноимённая каменная церковь (рис. 1). Этот мыс является одной из трех высотных доминант (наряду с южным мысом Воскресенской горы и северной оконечностью Юрточной горы), которые господствовали над окружающим ландшафтом и городской застройкой, что наглядно видно на панорамах Томска XVIII в. Находившийся на такой высоте укрепленный городской центр имел естественную защиту и мог контролировать всю округу. Вероятное расположение города 1604 г. на северо-западном мысу Воскресенской горы также не противоречит географическим указаниям «Росписи Томскому городу и острогу» 1627 г. [12. С. 44–45], где Томск ориентирован относительно р. Томи, р. Ушайки и болота, расположенного либо к юго-востоку от мыса, внутри «подковы» горы, либо непосредственно у подножия самого северо-западного мыса. Обращает на себя внимание треугольная форма северо-западного мыса, в отличие от прямоугольного южного мыса, форма и площадь которого явно не соответствуют параметрам города 1604 г., известным по той же «Росписи» 1627 г., но точнее вписываются в конфигурацию именно северо-западного мыса, на узкой части которого могла располагаться самая короткая (6 саж., или 12,3 м) городская стена.

Рис. 1. Северо-западный мыс Воскресенской горы (современный вид). Фото автора

Проведённый рекогносцировочный анализ применительно к северо-западному мысу Воскресенской горы носит предварительный характер, но позволяет наметить подходы, «прощупать» возможные точки размещения города. Исследователям, занимающимся историей основания опорных пунктов колонизации, известна формула царских наказов: «Упрося у Бога мило-

сти город поставити в крепком месте». Северо-западный мыс представляется достаточно «крепким местом» для строительства здесь города в 1604 г.

Идея о восстановлении исторического облика средневекового Томска «витала в воздухе» в течение нескольких десятилетий, однако возможность для её действительно научной реализации появилась только в 80-е гг. XX в.,

когда были получены археологические материалы, ставшие основой для исторически адекватной реконструкции оборонительной системы Томского кремля 1648 г. Полученные результаты предоставили шанс выйти из сугубо научной академической сферы в практическую: восстановить на южном мысе горы в натуральную величину фрагмент кремлёвских укреплений – восточное прясло и часть южной стены с проездной Спасской и угловой юго-восточной башнями. Научно-практическая разработка о возрождении в новоделе части утраченной ценной историко-архитектурной среды пропагандировалась автором в печатных трудах и публичных выступлениях [13. С. 150–156; 10. С. 157–169]. После постройки новодела ко мне обращались томичи, стремившиеся поделиться впечатлениями, информация о восприятии макета пополнялась и в ходе нескольких проведённых автором экскурсий. Можно констатировать, что строительство новодела получило не только официальное признание властей, но довольно широкий общественный резонанс. При этом отзывы горожан неоднозначны: от восторженно-заинтересованных до резко критических. Теоретическое обоснование столь долго и трудно «пробиваемой» идеи нашло практическое подтверждение: объективная востребованность в памятнике-новоделе есть, поскольку люди хотят знать и видеть, каким был Томск в первое столетие своего существования, негативные оценки лишь подчёркивают равнодушное отношение к историческому наследию.

Практика доказала также истину о том, что неприемлема не сама идея новодела, а её неумелое исполнение. Архитекторы-реставраторы института «Сибспецпроектреставрация», 15 лет категорически отвергавшие концепцию восстановления утраченного исторического сооружения, в 1999 г. разработали эскизный проект, где предполагается воссоздать столько, что и повернуться на небольшой площадке мыса станет негде: 1) на западной, юго-западной стороне мыса поставить новодел стены с круглой шестигранной башней, которые займут не своё историческое место, а территорию воеводской усадьбы (ещё не до конца обследованной), поскольку мыс с этого края подрезан более чем на 30 м; 2) построить часовню, которой в Томском кремле никогда не было; 3) сделать макет тарас (по восточному склону) в виде незавершённых срубов высотой до 1 м, что будет искажать исторический облик памятника и способствовать накоплению осадков в открытых срубах с последующим промерзанием грунта и глубоким растрескиванием почвы; 4) восстановить каменную кладовую 1705 г. – заурядное с архитектурной точки зрения здание, которое будет загромождать территорию мыса. Критика необдуманного архитектурно-планировочного решения показала, что проектировщики слышат лишь то, что хотят слышать, и руководствуются не взвешенным научно-историческим подходом, а ориентируются на свой вкус, подавая это как «новое художественное осмысление» памятника [14. С. 512].

К юбилею реализована I очередь проекта института: построен новодел Спасской башни и часть южной стены кремля. Макет стал материальным воплощением просчётов как в исследовательском подходе, так и в самом проектном решении. Во-первых, архитекторы положили в основу проекта один документ, что является грубой методической ошибкой. Во-вторых, этот единственный доку-

мент – план 1748 г., выполненный С. Плаутиным, – содержит характерные для русской картографической школы XVIII в. недостатки (низкая геометрическая точность, формальный характер масштаба, неравноточное изображение элементов плана и т.д.). Археологические данные, базовое значение которых проектировщики на словах признают, были проигнорированы и к новопостроенному макету никакого отношения не имеют.

В результате новодел кремлёвских стен существенно отличается от исторического оригинала. Неверны горизонтальные размеры стен новодела – 4,3×4,9 м, которые в действительности составляли не более 3×4 м. В новоделе отсутствуют выявленные археологически дополнительные вертикальные стенки-контрфорсы с внутренней и внешней сторон тарас, выступавших в длину до 1,5 м, которые укрепляли основную несущую конструкцию и повышали её устойчивость. Нарушена пропорция высот нижних и верхних (обламных) срубов. Облам по высоте был всегда меньше, чем нижний (наземный) ряд срубов, что диктовалось соображениями обороны – облам должен был находиться достаточно высоко над землёй, чтобы ни пеший, ни конный противник не мог проникнуть в крепость сверху. В макете при высоте нижних срубов в 9 венцов и облама в 11 венцов обороноспособное соотношение нижней и верхней частей стен практически сведено к нулю (рис. 2).

Рис. 2. Внешний фасад тарасной стены и Спасской башни (новодел). Фото автора

Проектировщики некритично подошли к чертежу 1748 г. и не учли, что наросший за время существования Томского кремля культурный слой скрыл несколько венцов нижних наземных срубов, что уменьшило высоту стены и изменило её пропорции. Необоснованное увеличение горизонтальных размеров стен нарушило и обороноспособное соотношение стен и башни, которая выступает за нижний ряд срубов всего на 1,3 м,

а за облом ещё меньше. При таких пропорциях вынос башни за линию стены бесполезен, поскольку не преодолевает непростреливаемое пространство и ведение эффективного фланкирующего огня невозможно. Тем самым создаётся «мёртвая» зона, достигнув которой противник становится недосягаемым для защитников кремля. Неверные горизонтальные размеры на чертеже 1748 г., повторённые в новоделе и нарушившие пропорции стены, придали ей приземистый вид и значительно ослабили её защитные свойства.

Не учтён условный характер передачи конструкции стен на плане 1748 г., прорисованных в виде одной общей внешней стены, к которой изнутри пристроены срубы, перемежающиеся пустыми пространствами. Подобная конструкция ненадёжна, поскольку не обладает

необходимыми жёсткостью и прочностью, потому недолговечна. Столь серьёзный изъян усугубляется неблагоприятными природно-климатическими условиями: открытые срубы не защищены от разрушительного воздействия ветров и влаги (рис. 3).

Томский кремль 1648 г. имел двойные рубленые стены – тарасы из двух параллельных продольных стен, соединённых поперечными перерубами, сплошная цепь срубов опоясывала кремль по периметру. Сметливые и рачительные строители кремля не могли нерационально и недальновидно подойти к возведению и эксплуатации такого важного объекта, как крепостные стены, которые не только служили главной защитой от врага, но и мирным целям: внутри стен находились жилые, подсобные, хозяйственные помещения.

Рис. 3. Внутренний фасад тарасной стены (новодел). Фото автора

Построенный макет не воспроизводит реальный исторический облик кремля и в силу отмеченных недостатков не мог бы служить надёжным укреплением, хотя автор проекта Н.В. Савельева подчёркивает приоритет военно-оборонительных функций кремля, называя его не иначе как крепость [8. С. 357]. Крепость, которая не защищает, и копия, которая не соответствует оригиналу. Такой памятник подарили проектировщики городу к 400-летию.

К 375-летию юбилею на южном мысе был поставлен памятный камень. Цена «увековечивания», как выяснилось, оказалась непомерной: за счёт разрушения части памятника. Однако наши предшественники не ведали, что творили, ведь археологические исследования тогда ещё не проводились. Сегодня таких оправданий нет.

Критика не означает отказа от идеи воссоздания ценной историко-архитектурной среды. Наоборот, допущенные ошибки необходимо исправить, руководствуясь «разумностью и профессиональной воспитанностью» [15. С. 201]. Необходимо достроить восточ-

ную стену кремля, чтобы создать законченный образ утраченного памятника XVII в., но сделать это на действительно научной основе с учётом базовых археологических данных. Для вживления памятника-новодела в ткань современного города нужно разработать концепцию его эксплуатации, чтобы восстановленный фрагмент кремля стоял не пустым бессодержательным макетом, но работал как полноценный музейный комплекс и место отдыха, где можно и приобщиться к истории города, и культурно отдохнуть.

При строительстве кремля в 1648 г. мнения томичей о том, где и как строить новый городской центр, разделились. Наш замечательный талантливый земляк П. Терентьев, преодолев разногласия, возвёл столь мощный и величественный кремль, что воевода князь О.И. Щербатый горделиво отписал в Москву: «И такова, государь, города образцом в Сибири нет». Хотелось бы, чтобы за памятник-новодел, воспроизводящий этот замечательный образец русского оборонного зодчества, не было стыдно ни перед собой, ни перед потомками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайко Э.В. Природа взаимодействия города и искусства в исторической эволюции общества // Города и искусство: Субъекты социокультурного диалога. М.: Наука, 1996.

2. Чёрная М.П. Русский город как новый символ в картине мира сибирского общества // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. № 3.
3. Бондаренко И.А. Иерархическая структура древнерусского города (в реализации идеи «вечной гармонии») // Города и искусство: Субъекты социокультурного диалога. М.: Наука, 1996.
4. Башкатова З.В. Влияние металлургической промышленности на развитие городов Томска и Кузнецка // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981.
5. Люцидарская А.А. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.
6. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992.
7. Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск, 1982.
8. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004.
9. Чёрная М.П. Проблема преемственности в расположении Томского города первой половины XVII в. и кремля 1648 г. // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999.
10. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002.
11. Чёрная М.П., Осинцева Н.В. Ландшафтные предпосылки размещения города: к проблеме первоначального местоположения Томска // Рельеф и человек: Матер. Иркутского геоморфологического семинара (сентябрь 2004). Иркутск: Изд-во Ин-та земной коры СО РАН, 2004.
12. Бояришинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953.
13. Чёрная М.П. Оборонительные сооружения Томска середины XVII в. как элемент системы жизнеобеспечения средневекового и современного города: Матер. XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. «Системы жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика». Томск, 1998.
14. Савельева Н.В. Томская крепость как исключительный пример реставрации памятника культурного наследия // Русские старожилы: Матер. III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000.
15. Пруцын О.И., Рымашевский Б., Борусевич В. Архитектурно-историческая среда. М., 1990.

Статья представлена кафедрой археологии и исторического краеведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 26 ноября 2004 г.